

Научная статья
УДК 811.161.1(09)
DOI 10.18101/2686-7095-2021-3-11-22

РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОСТИ В ВЫЯВЛЕНИИ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ СЛОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

© Астахина Людмила Юрьевна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела лингвистического источниковедения и истории
русского литературного языка,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2
lastakhina@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится проблема отражения и сохранения несуществующих слов — псевдогапаксов, в историческом словаре. В связи с этим раскрывается роль лингвистической информационности письменных источников в идентификации псевдогапаксов. Анализируются причины появления псевдогапаксов в письменных памятниках. Автор статьи выделяет главные из них — описки писцов, игнорирование учеными, публикаторами, лексикографами индивидуальных черт написания отдельных букв, сочетания букв, выносных букв, приводящие к появлению, например, таких псевдогапаксов, как *тачаны* вм. *таганы*, *уйтерпя* вм. *утерпя*, *непорочным делом* вм. *ненарочным делом* и др. Неверное чтение скорописных букв и другие случаи проявления субъективного фактора рассматриваются как результат недооценки лингвистической информационности текста.

Особое внимание автор статьи обращает на ошибочное использование термина *информативность* вместо *информационность*, допускаемое историками языка.

Ключевые слова: псевдогапаксы, лингвистическая информационность, рукопись, скорописные буквы, исторический словарь.

Благодарность: исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» в рамках научного проекта № 17-29-09113 (руководитель М. И. Чернышева).

Для цитирования

Астахина Л. Ю. Роль лингвистической информационности в выявлении несуществующих слов в истории русского языка // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 3. С. 11–22.

*Всякая древность к знанию полезна.
В. Н. Татищев. 1738 г.*

Лингвистическое источниковедение как научное направление призвано решать две задачи: характеризовать источники с точки зрения их пригодности для языковедческих исследований и вводить в научный оборот новые источники путем издания.

«Если говорить точнее, предмет лингвистического источниковедения — выявление, аннотирование и систематизация рассматриваемых в этом аспекте источников и разработка научных оснований их эдиционного воспроизведения» [Котков, 1964, с. 9]. Теоретические основы этой отрасли языкознания разрабатывались начиная с 60-х гг. XX в. проф. С. И. Котковым и были обобщены в его книге «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» [М., 1980]. Он выявил основные категории этой науки, ее предмет и методы, дал определение понятия «лингвистический источник».

В понятие «лингвистический источник» С. И. Котков включает все разновидности и характеризует их с разных точек зрения: с позиции происхождения источника, с точки зрения заключенной в нем информации о состоянии отраженного языкового пласта, с позиции восприятия его исследователем, с позиции его содержания, физического состояния, степени его изученности и доступности для изучения, с позиции положения среди других источников.

«Лингвистический источник представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредствованного (графического) запечатления языка или его элементов, объем, содержание и характер которой определяются, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой — строем запечатленного», — такова последняя формулировка этого понятия [Котков, 1980, с. 9–10].

По происхождению С. И. Котков разделил источники на *первичные*, естественно сложившиеся (рукописи), и *вторичные*, сформированные учеными с различными целями (картотеки, лексиконы). Однако работа с материалами Картотеки ДРС, являющейся основой Словаря русского языка XI–XVII вв. [далее — Словарь, СлРЯ XI–XVII вв.], показала, что такое деление недостаточно для характеристики лингвистических источников. На вопрос аспиранта, куда Вы отнесли бы издания рукописей, проф. С. И. Котков отвечал, что так как они воспроизводят рукописи, значит — к первичным.

Казалось бы, все логично. Но пришлось уточнить понятие «происхождение источника». Работа над Словарем показала, что публикации должны занимать особое место среди лингвистических источников. Именно публикации, независимо от того, кто участвует в издании (историки, лингвисты, литературоведы), больше всего содержат слова, которых никогда не было в русском языке. И наука точно это устанавливает. В настоящее время таких слов насчитывается более тысячи. И если когда-то они воспринимались как своего рода курьез (кто не знает о поручике Кижел!), то в настоящее время они становятся предметом исторического, источниковедческого и лингвопсихологического исследования.

Известный исследователь А. Б. Страхов в одной из своих работ предложил термин для такого слова — *псевдогапакс*. В «Материалах для древнерусского словаря» И. И. Срезневского приведено слово *гаснь* «гаснь (от гадати): Елико при гаснехъ родъ исполинский. Гр. Наз. XIV в.» [Срз. I, с. 510]. В статье «К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет)», опубликованной в журнале *Palaeoslavica*, А. Б. Страхов пишет: «В *Слове о ницелюбии (De pauperum amore)* Григория Назианзина, из перевода которого взят этот фрагмент, сказано следующее: *περ ἤν τι τὸ παλαιόν, ὅσον ἐπὶ τοῖς μύθοις, γένος γιγάντων καὶ τῶν λοιπῶν ἀνθρώπων Patrologia graeca* 35, p. 888, ln. 40). В *Трудах св. отцев* в переводе Епифания Славинецкого (Московский печатный двор, 1655 г., л. 78, 2-я фол.) интересующее нас место переведено правильно: И якоже бѣ что древнее, елико при баснехъ, родъ Исполиновъ, и прочихъ Человѣкъ. Впрочем, *ἐπὶ τοῖς μύθοις*, как можно догадываться, и в переводе XIV в., которым пользовался Срезневский, тоже было переведено правильно: при Баснехъ, но, видимо, нижняя петелька буквы Б осыпалась, и Срезнев-

ский поэтому принял Б за букву Г <...>. Псевдогапакс **гаснь** не попал ни в *Древнерусский Словарь XI–XIV вв.*, ни в *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, зато чтение и этимология Срезневского были приняты составителями ЭССЯ (6, с. 105), которые на основе этого единственного примера (!) постулировали существование праслав. *gasnъ < *gad-snъ (с вопросом к словообразованию). Увлечение лингвистов неоднократно фиксируемыми формами известно, и доверие к ним достойно решительного осуждения. На гапаксах (самого сомнительного свойства) в славистике и русистике зиждятся целые теории» [Страхов, 2003, с. 210].

Предложенный термин *псевдогапакс* не противоречит современной терминологии русского языка в различных отраслях науки. Термин *гапакс* (греч. ἄλαξ — ‘один раз, однажды’) относят к слову, употребленному один раз в источнике — в рукописи. **Псевдо** — препозитивная морфема со значением ‘ложный, мнимый, вымышленный’, активно участвующая в формировании научной терминологии русского языка. Современная лингвистика указывает на продуктивность компонента сложных слов **псевдо-** в составе русских терминологических систем. Проф. И. Г. Кудрявцева на основе наблюдений над материалом, отраженным в лексикографических источниках, делает вывод, что “<...> изменение статуса **псевдо-** на протяжении его эволюции в русском языке (от связанного компонента в составе сложных заимствованных слов до самостоятельной словообразовательной единицы) связано с возрастанием его сочетаемости, его продуктивности и регулярности, а также с увеличивающимся числом его модальных значений (*псевдоним, псевдоартроз, псевдоморфозы, псевдореминисценция* и др.)” [Кудрявцева, 2005, с. 106].

Одной из проблем работы с несуществующими словами — *псевдогапаксами* — является проблема отражения и сохранения их в корпусе исторического словаря. Авторы СлРЯ XI–XVII вв. дают такие слова в Предисловии к каждому выпуску, приводя контексты с пояснениями.

Каковы же причины появления псевдогапаксов в источниках? В рукописях они оказываются вследствие описок писцов. Так, в Новгородской переписной книге 1498 г., составленной в Шелонской пятине, читаем: “А дана **глотная грамота** на три годы Гриде Палеху” [РГАДА. Ф. 137, оп. 1, Новгород, № 2а, л. 10]. Речь в грамоте шла о льготе: человек за это время должен был распахать пашню, завести скот, построить жилье. Грамота была **льготная**.

В Кормчей Балашова XVI в. написано **игрыдядают** вместо *игры глядают* [Корм. Балаш., л. 16], что повлекло за собой появление в Словаре слова **грыдья**, данного без толкования [вып. 4, с. 147].

В Приходно-расходной книге Антониева Сийского монастыря 1575 г. казначей Леванида, хранящейся в Санкт-Петербургском Институте истории РАН, читаем: «Шил мастер шестеры сапоги **сытцеловые**, дал от того могольца 6 алтын». В книге встретилось несколько раз в подобных контекстах слово **исцельные** [Кн. прих.-расх. Ант.м. № 1, л. 29, 47 и др.].

Большой массив псевдогапаксов поступает в основном из публикаций и меньше — от выборщиков, которые в 30-е годы XX в. участвовали в формировании Картотеки ДРС, не имея достаточных навыков чтения в архивах рукописного текста.

В одной из рукописей не понятое переписчиком слово было подчеркнуто карандашом. Это было сделано, по-видимому, при подготовке к изданию в 1881 г. рукописной «Книги переписной дворов и лавок г. Москвы» 1669 г. В печатном экземпляре слово передано как **суслени**: «двор суслени Федора Матвѣева». [Кн. пер. Моск. П: 133]. По-видимому, переписчик усомнился в правильности своего восприятия, проконсультироваться было не с кем: «Материалы» И. И. Срезневского выходили в 1880–

1912 г., а большой поток публикаций рукописного наследия в России пришелся на последнюю четверть XIX в. Переписчик подчеркнул трудное место карандашом и оставил слово, как смог прочесть, что отразилось в издании. При анализе лингвистической информативности рукописи выяснилось, что искажено слово *суконника*: конечный слог *-ка* не дописан, вместо *-ко-* прочитано *-се-*, а выносная буква *н* принята за *л* и вставлена после второго *с*, за которую был принят первый элемент буквы *к*.

Как видно, ученые приглашали сотрудников, которые копировали для них находящиеся в архивах тексты рукописей, предназначавшихся для издания. А. И. Соболевский однажды посмотрел, что же выходит после такого копирования, и обратился к заведующему отделением русского языка и словесности Академии наук академику А. А. Шахматову 2 марта 1884 г. со следующим письмом: «Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т. е. опускает титла и надстрочные буквы пишет в строку. Вследствие этого желательнее было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала» [Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 134, оп. 3, № 1429, л. 1].

Словосочетание «не особенно точно» объясняет причины того, что в настоящее время, работая с текстами публикаций, ученые встречаются со словами, ошибочно переданными при издании рукописи, неверно прочитанными тем, кто копировал рукопись для издания. Следовательно, при подходе к источникам нужно учитывать так называемый *субъективный фактор*, влияющий на достоверность публикаций. Из-за этого пришлось изменить классификацию источников, предложенную С. И. Котковым и выделить публикации в особую группу *промежуточных* источников, находящихся между первичными (рукописями) и вторичными — созданными учеными (картотеками и лексиконами). Необходимо также иметь в виду, что картотеки создаются не только по рукописям, но и по публикациям, вот в них-то и накапливаются несуществующие слова — псевдогапаксы.

Как пример воздействия субъективного фактора приведем находящиеся в Картотеке ДРС две выписки из публикации Н. Субботина 1878 г. «Материалы для истории раскола за первое время его существования», сделанные разными выборщиками: «Глаголють бо, яко въ зачатии Сынъ Божии совершенною плотию обрѣтесе, и яко не *назидашесе* плоть его помалу во чревѣ дѣвичѣ, но купно совершися, яко да родися Христось от дѣвица совершенною плотию, яко тридесяти лѣтъ». [(Челоб. Лаз.) Суб. Мат. IV: 229. 1666 г.]. Эту карточку выписал А. Н. Котович, служивший в молодости в канцелярии Государственной думы. Историк М. Д. Присёлков, который работал с тем же источником позже, в этой цитате вместо *назидашесе* написал *назирашесе*, а вместо *Челоб. Лаз.* указал *Чел. Ник.* Первая неточность меняет смысл текста, а вторая — дату: челобитная Лазаря опубликована по списку XVIII в., а челобитная Никиты Пустосвята — по списку XVII в. В истории же русского языка XVII и XVIII века — две эпохи.

Из причин, ведущих к появлению псевдогапаксов, отметим неверное чтение букв в рукописном тексте. Так, в «Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века» (Томск, 2001), включенном в число источников СлРЯ XI–XVII вв., встретилось слово *тачаны* (с. 281) со знаком вопроса вместо толкования и со следующим примером: «Со многих гѣдрвых ясашных людей он, Поспелка, поминки многие имал соболями, и хвостами, и железом, крицами и тачанами (Томск, 1653)». Источники этого словаря не всегда доступны для того, чтобы можно было проверить данное в нем то или иное сомнительное слово. Иногда помогает простое логическое сопоставление между собой окружающих слов или просто догадка, подтверждающая

отсутствие слова в языке. В данном примере скорее всего в слове **тачаны** за **ч** была принята буква **г**. Из контекста следует, что речь здесь может идти о **таганах** — приспособлениях, на которые ставят котлы при приготовлении пищи на открытом огне. Если бы в XVII в. были приняты современные знаки препинания, то после слова **железом** нужно было бы поставить двоеточие, т. к. **крица** — это кусок, слиток металла, в данном случае железа, а **таган** — изделие из железа.

Совпадение на письме букв **п** и **н** вообще характерно для русской скорописи, что породило словосочетание–псевдогапакс. В. А. Борисов в сборнике «Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей» (1853 г.) в одной из публикуемых рукописей принял букву **п** за **н** и слово **пищий** ('писчий') передал в издании как **нищий** в следующей фразе: "Велено мне сиротѣ твоему в Шуе в таможене во дьячках быть без жалован(ь)я из **нищие** днѣги" (акт № 122). Эта челобитная 1674 г. Афоньки Постникова переиздана в книге «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край» (М., 1984) под № 171 по рукописи и ошибка исправлена (из **пищие** — 'из писчие деньги').

Неразличение скорописных букв **п** и **н**, казалось бы, должно настораживать и публикатора, и лексикографа. Но иногда одинаковые псевдогапаксы встречаются в различных изданиях. Так, в 11-й выпуск Словаря не вошло выражение **непорочным делом**. В публикации Н. Новомбергского «Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.)» под № 95 помещена «Челобитная Алексею Михайловичу от Сеньки Прозоровского и Петрушки Беклемишева». В ней читаем: «А кто у него на той челобитной прописаль, того де онѣ не вѣдаетъ, а была у него та челобитная в щели положена въ избѣ, разве де приписаль братъ его Лукьянъ **непорочнымъ деломъ**, какъ ему ту челобитную переписываль» [Сл. и д. I, 165. 1645 г.]. Выделенное выражение вызвало сомнение у одного из авторов СлРЯ XI–XVII вв. А. Н. Шаламовой. Рукопись можно было найти, так как издатель в оглавлении указал ее точный «адрес»: оригинал хранится в РГАДА среди документов Разряда, в Приказном столе, на столбце 162, л. 194. Проверка по рукописи показала, что публикатор не изучил лингвистической информативности рукописи, то есть не обратил внимание на особенности написания в памятнике букв **п** и **н**, слогов **по** и **на**. Писец изображал букву **п** так, что перекадина поднималась до верхней точки правой вертикали, и **п** легко можно было принять за **н**. Букву **а** он иногда писал как греческую альфу, а иногда был замечен только овал и ее можно было принять за **о**; второй элемент буквы **а** написан высыхающим пером. Слово **непарочным** публикатор передал в издании как **непорочным**.

В другом случае путь проверки этого словосочетания был тот же и дал аналогичный результат. Из «Сказки попа Григория» 1686 г., помещенной в Приложении к книге С. И. Коткова «Южновеликорусское наречие в XVII столетии. Фонетика и морфология» (М., 1963), где указан точный «адрес» рукописи, узнаем, что «Ониси-маву доч Кононава дѣвку Просков(ъ)ю он Ермол ис пищали пострелил непарочным дѣлам, стрелял в примѣту, а она сидѣла за тынам» [Котков, 1963, с. 231]. Эта «Сказка» является одной из первых публикаций скорописного памятника, осуществленной С. И. Котковым, и в ней не была учтена свойственная издаваемой рукописи XVII в. особенность, которую он, разрабатывая основы лингвистического источниковедения, назовет впоследствии «лингвистической информативностью». Черты южновеликорусского аканья, о которых, в частности, шла речь в теоретической части книги, отразились в орфографии «Сказки» ярко (см. формы творительного падежа единственного числа *делам, за тынам*; фор-

му винительного падежа единственного числа притяжательного прилагательного *Онисимаву* дочь и др.), что, по-видимому, ослабило внимание к характеру и индивидуальным особенностям почерка писца.

Иногда внешние особенности источника не принимаются во внимание издателями, т. е. не уделяется внимания лингвистической информативности источника. С. И. Котков отмечал, что эта категория относится «прежде всего к внешним средствам выражения языка и внешним условиям его существования (характер графики и орфографии, правописные навыки писцов, уровень и состояние звукозаписывающей техники и т. д.)» [Котков, 1980, с. 10].

При работе с древними рукописями именно внимание к лингвистической информативности выходит на первый план. Нужно изучить особенности почерка писца, как он пишет отдельные буквы, сочетания букв, как изображает выносные, как проводит правку (правку мог делать и так называемый «редактор»). Невнимание к этим вопросам порождает псевдогапки в изданиях.

Из основного корпуса СлРЯ XI–XVII вв. пришлось исключить слово **уйтерпети** с толкованием ‘*Терпеть; испытывать чье-л. терпение, (не) вытерпеть; выжидать*’, встретившееся в следующей записи: «И видя... что хотят они [турки] насъ за тѣмъ своимъ миромъ и за послами своими искусить, и, не **уйтерпя** мы, холопи твои, их лукавству, для подлинныхъ мы языковъ подъ Азовомъ къ нимъ казаковъ своихъ конныхъ степью посылали» [Дон. д. II, 524. 1644 г.].

Слово представлено в публикации «Приезд в Москву донского атамана Панкрата Степанова и ясаула Потапа Семенова в легкой станице» в 1644 г. в публикации «Донские дела» (РИБ, СПб., 1898, т. 18). Проверка по рукописи [РГАДА. Ф. 111, Донские дела, оп. 1, 1644 г. д. № 5, л. 1] показала, что слово **уйтерпя** написано с начальным *у* (ук). У этой буквы (писец дал ее похожей на греческую гамму γ) от правого крыла отходит вниз росчерк, который можно было принять за *и* десятиричное, изображенное как латинский йот (*j*). Возможно, публикаторы так и восприняли этот росчерк и передали его как *и* краткое (*уй-*). Однако точно с таким же росчерком в букве *и* строкой выше написано слово **умышление**, а еще выше на том же листе так же написано слово **украина**. В этих словах публикаторы после *у* не напечатали йот (*j*). Значит, и слово **уйтерпя** следует читать как **утерпя**, без *й* (*и* краткого) после первой буквы. Перед исследователем — особенность почерка писца, индивидуальный способ изображения буквы *и* в абсолютном начале слова, что подтвердило изучение лингвистической информативности рукописного подлинника.

Аналогичен случай со снятием из очередного выпуска Словаря слова **суглина**, которое обнаружилось в выписке из рукописи: “Веревка суглина подолнишной пряжы”. Цитата взята из Расходной книги № 108 Холмогорского архиерейского дома 1696 г., хранящейся в архиве Института истории РАН (Санкт-Петербург). Здесь оставалось только проверить по рукописи, верно ли была сделана выписка, так как в карточке был указан номер листа (л. 94). На первый взгляд, сочетание буквы *с* и последующей буквы *и* (ук) в слове **суглина** нужно было читать именно так. Изучение лингвистической информативности рукописи показало, что сочетание букв **б** и *и* в неоднократно встречающемся слове **обувь** в книге написано точно так же, как и в **суглина**. Сомнения разрешились: слово **буглина** ‘снасть для оттяжки парусов’ уже отражено в СлРЯ XI–XVII вв. [вып. 1, с. 344]. В Словаре Н. А. Смирнова, помещенном в его работе 1910 г. «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», отмечено заимствованное из голландского языка слово “**Булинь** *boeluy* — булинь, веревка для вытягивания наветренной стороны паруса к ветру. Морск. Кн. Устав. Морск., с. 870”. [Лексикон вокабулам новым, 68. Нач. XVIII в.].

В скорописных источниках могла быть неверно прочитана выносная буква, так как буквы *л, м, н, с, т, ч* и в некоторых случаях *х* нередко изображались над строкой в виде выпуклой дуги энергичным взмахом вверх гусиного пера. Вследствие этого в «Наказе Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле» 1655 г., напечатанном в 15-м томе «Русской исторической библиотеки» (СПб., 1894), находим предписание воеводе: “А какъ годь доидеть, и ему, Афонасью, государевымъ денгамъ, и хлебу, и соли, и мяхкой рухледи приходу и росходу дѣлати **смѣнные** и помѣтные списки... какъ и в иныхъ сибирскихъ городехъ **смѣнные** и помѣтные списки дѣлають» [Нак. Паш., 30]. Словосочетание **сменные и пометные списки** повторено дважды. Тот, кто знаком со скорописью XVII в., знает, что в слове **сменные** одна буква *н* может быть выносной. Не принял ли публикатор за *н* выносное *т*? Видимо, нужно было присылать **сметные и пометные списки**. Многочисленные наказы того же времени другим сибирским воеводам, хранящиеся в фонде Сибирского приказа РГАДА (ф. 214), в которых нет выносной в этом слове, подтверждают именно такое прочтение. Как видим, лингвистическая содержательность рукописи, определяемая ее жанром и содержанием (Наказ воеводе), “сменных” списков не предполагает, в ней не может быть словосочетания **сменные списки**. В Словарь **сменный** в этом значении не включено, а в Картотеке ДРС пришлось поставить “сигнал”, говорящий о том, что **сменный** не может сочетаться со словом **список** и что в приведенной выше цитате неверно прочитана выносная буква рукописного текста.

С большими трудностями разрешается вопрос о делении на слова скорописных текстов, содержащих выносные буквы, когда писцы при быстром письме одним и тем же начерком могут обозначать разные буквы.

Очень часто указанные выше выносные, а также *и, у* изображаются почти одинаково в верхнем междустрочии, иногда — в словах под титлом. И только сопоставление изображений их в различных словах может привести к правильному чтению. В Картотеке ДРС встретилась карточка с цитатой из скорописного текста: “Пришел тот Дружина ко племеннику моему Алеше на дворъ... и почал на дворѣ нахвално того племянника моего Алешу тут бранит и с повѣти почал в него ослопьемъ бросати и вилами стожными **утиню** на укол шибати”. Коллекция Зинченко, № 34, сст. 1. 1633 г. Кто-то карандашом разделил в карточке слово на *у* и **тиню** и поставил над словом вопросительный знак, а карточка с цитатой оказалась в алфавитном отрезке на букву “Т” среди материалов на слово **тынѣ**. При сверке с рукописью в архиве Института истории РАН (Санкт-Петербург) оказалось, что выносная буква в выделенном слове написана так, что ее можно прочесть как *н, л*, или *ч*. Изучение лингвистической информативности источника, в частности, особенностей почерка писца, показало, что слово скорее можно прочесть как **утыч(ь)ю**, потому что выносные буквы в словах **явочку, Федорович** написаны аналогично. Материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» зафиксировали наречие **утычю** в уральских, зауральских, вологодских, северодвинских местах в значении: ‘стоймя’, ‘торчком, перпендикулярно’. Приведены краткие тексты, записанные и в городе Кургане: “Ставь доски-те утычю. — Дак ведь заноза-та утычю воткнулась, не скоро достанешь”. В «Опыте областного словаря» 1852 г. читаем: “**Утычю**, нар. Концом прямо, а не съ боку, невкось. Волог. *Никол.*” (Опыт: 242). Это же слово есть и в недавно опубликованном Словаре Дилакторского (2008 г.: 532) со ссылкой на «Опыт областного словаря».

Свидетельства словарей известных авторов, принимаемые в качестве достоверных, особенно в случае единичности фиксации лексемы, могут ввести в заблуждение

тех, кто обращается к ним без необходимой критики. Известен случай, когда псевдо-гапакс «перекочевал» из одного словаря в другой. В вышедшем в 2004 г. первом выпуске «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» встретилось слово **бядюный**: “Четыре пуда олова бядюных и в торелях, цена тритцеть два рубли”. Сл. Мангаз., 31. 1634 г. Слово с примером и толкованием (‘прил. к **бадья**’) взято из «Словаря мангазейских памятников XVII — начала XVIII в.», составленного Н. А. Цомакион (Красноярск, 1971). В этом словаре указан шифр цитаты: Сиб., № 26, л. 411 об. Редакторы СлРЯ XI–XVII вв. Г. Я. Романова и М. И. Чернышева, написавшие рецензию на первый том «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», усомнились в реальности этого слова. Проверка по рукописи показала, что в книге № 26 Сибирского приказа на л. 411 об. такой цитаты нет. Фронтальный просмотр этой книги, хранящейся в РГАДА, помог найти запись на л. 426 об.: “Четыре пуда олова блюдных и в торе|лях”. В слове **блюдных** в букве *л* левая наклонная линия, проведенная гусиным пером сверху вниз, имеет еще и тонкую линию, образовавшую узкий овал тогда, когда писец вел перо вверх, чтобы из верхней точки опустить правую наклонную. Вероятно, при беглом просмотре эта буква была принята за *а*. Буквы *д* и *х* в этом слове выносные. Трудности поиска рукописи и проверки по ней в некоторой степени оправдывают доверчивое отношение к печатному тексту «Словаря мангазейских памятников» как к достоверному источнику по лексике середины XVII в., однако сомнение здесь было бы не излишним.

Академик Д. С. Лихачев в 1962 г. заметил: «Неясности с разделением текста на слова создавались не только у современных исследователей (хотя надо самокритично признать, что исследователи ошибаются чаще, чем древние переписчики рукописей)» [Лихачев, 1962, с. 142].

В недавно проработанных материалах Картотеки ДРС на букву “У” нами обнаружено слово **укатем**. В Столовом обиходнике Новоспасского монастыря 1648–1649 гг. читаем запись о трапезе в день поминовения Иоанна Предтечи: “Отбъжимъ, братие, молимъ вы ся, пиянственнаго сего злаго **укатемъ** же воздержимся, постомъ и молитвами оградимся” [Столов. обих. Новоспасск. м., 107]. Можно предположить, что это творительный падеж от какого-то существительного мужского рода *укать* (*укать*) или среднего рода (*укатье*), хотя это предположение никак не оправдывает находящихся перед ним определений в родительном падеже и вряд ли подходит по смыслу. Скорее всего, в публикацию вкралась ошибка.

В рукописи, хранящейся в ОР РГБ, исправлений нет. Оказалось, что издателем неверно разделен на слова сплошной скорописный текст. В древнерусском языке существовало слово **укъ**, которое в Словаре будет включено в соответствующий выпуск на букву “У”: **УКЪ**, м. Умение, воля, действие (человека), участь; навык, обычай (?). Не укѣмъ члѣвкомъ, Бжи(е)ю блгоудатию очищаета недугы члѣвчскы, славная, сего ради, по дългу похваляюще ваю блжимъ (οὐ τέκνη ἀνθρώπινη) [Мин. ноябрь, 275. 1097 г.]. В наш язык слово **укъ** вошло в составе таких слов, как *наука*, *навык*, *обыкновение*, *обычай*, *привычка* и др. В книге «Мудрость Менандра» находим слово **наукъ**: “Наукъ золь исказить вещь... Наукъ золь мука есть члѣку” [Менандр, 26. XVI в.]. Ср. в македонско-русском словаре: “**ука** 1. ж. разг. привычка: по ука — по привычке; 2. ж. разг. совет, наставление; 3. ж. разг. опыт, наука” [Кретов, 1988, с. 52].

Следовательно, в цитате из Столового обиходника разделение на слова должно быть таким: “Отбъжимъ, братие, молимъ вы ся, пиянственнаго сего [царя Ирода] злаго ука, темъ же воздержимся, постомъ и молитвами оградимся”. Становится по-

нятной мысль писавшего, который призывает братию избежать обычая, привычки («ука») к обильным возлияниям в такие торжественно-грустные праздники.

В 24-м выпуске СлРЯ XI–XVII вв. осталось слово-псевдогипокоризм **сегоду** в единственной цитате из хозяйственной грамоты 1660 г. архива Онежского Крестного монастыря: “А страды... пострадали, сена недорось сегоду” (Отп. прик. Перт. м.) Арх. Он. (Ар.). При подготовке выпуска проверить по рукописи нам не представилось возможности: в РГАДА в книгах и грамотах за 1660 год фонда Онежского Крестного монастыря этой цитаты не оказалось. Позднее, при повторном просмотре архивной описи в поисках уже другого дела обнаружилось, что материал на слово **сегоду** взят из документа не 1660 г., а датированного “не ранее 1669 г. — не позднее 1676 г.” и приведенного в описи № 3 под названием “Отписки служителей Пертоминского монастыря и приписанной к нему пустыни архимандриту Онежского Крестного монастыря Сергию о «хлебной скудости», о продаже соли, об урожае сена и др. вопросам”. Уточним: служитель называет пустыню Пертоминский монастырь, а цитата в рукописи выглядит несколько иначе: “А страды гѣдри по|страданы а сѣна гѣдрь недорость сего году | а хлѣбъ гѣдрь зелен не в приходе в ядро не дошол” [РГАДА. Ф. 1195, оп. 3, № 155, л. 1]. Как видим, слово “распалось” на два, псевдогипокоризм исчез, наука (то есть проверка по рукописи) точно установила, что слова **сегоду** не было в русском языке.

Кстати, о термине. В языковедческих исследованиях памятников иногда в словосочетании *лингвистическая информативность* употребляется слово *информативность*. Так, в автореферате кандидатской диссертации М. С. Выхрыстюк написала, что предметом анализа ее работы является “лингвистическая содержательность и информативность деловых документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века в рамках традиционного источниковедения” [Выхрыстюк, 1999, с. 5]. Автор исследует *информацию*, которая содержится в этих источниках, полагая, что использует термин лингвистического источниковедения. Однако следует сказать, что в автореферате даны две копии скорописных текстов исследуемых документов, но нет характеристики почерков, бумаги, хотя и сообщается о хорошей выучке писцов. Лингвистическая *информативность* (термин лингвистического источниковедения), видимо, должна бы включить сведения о физическом состоянии этих памятников, почерках, вариациях в изображении отдельных букв, приписках и поправках, наблюдения автора над тем, как вследствие этого раскрывается или затемняется содержание текста и — соответственно — выявляется лингвистическая содержательность изучаемых источников. Смешение двух различных терминов, в которые авторы пытаются вложить один и тот же смысл, происходит, видимо, вследствие того, что понятие *лингвистическая информативность* только намечалось С. И. Котковым, на что было указано в нашей рецензии на его книгу [ВЯ, 1981, № 5].

Что касается объема *информации* о языке или диалекте, отраженной в источнике, то здесь имеются ограничения: например, в деловой рукописи не будет специальных сведений об интонации, о чем писал С. И. Котков: «Вследствие отсутствия в составе графики обычного русского письма знаков для передачи интонации *информация* (курсив наш. — Л. А.) о ней из рукописи не может быть получена» [Котков, 1964, с. 9]. Однако как пример источников, по которым исследователи могут восстановить звучащий говор прошлых эпох, можно указать на записи русской речи иностранцами. Впервые их издал Б. А. Ларин (1937, 1949, 1959). В настоящее время эти работы опубликованы его учениками в книге «Три иностранных источника

по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков» со сводным указателем слов (С.-Петербург. ун-т, 2002).

Термином *информативность* оперируют историки. В их исследованиях основой объективного изучения считается достаточная *информативность* языка письменных источников. «Под информативностью, — пишет Ю. В. Коваленко в книге «История и лингвистика», — понимается способность различных элементов структуры языка нести определенную информацию, т. е. *сообщения, сведения* (курсив автора. — Л. А.) о чем-либо, которые получает или передает человек в результате производственной, познавательной или иной деятельности» [Коваленко, 1970, с. 34–35].

Как видим, выявление псевдогапков в истории русского языка привело как к пересмотру классификации лингвистических источников, когда пришлось основное внимание обратить на способ введения их в научный оборот, так и к уточнению смысла термина *лингвистическая информативность источника*.

Принятые сокращения

1. Выхрыстюк 1999 — Выхрыстюк М. С. Деловые документы Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в. как лингвистический источник: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 10.02.01. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1999. 22 с. Текст: непосредственный.
2. Дон. д. II — Донские дела. Кн. II // РИБ. Санкт-Петербург, 1906. Т. 24. Текст: непосредственный.
3. Кн. пер. Моск. II — Книга переписная дворов и лавок г. Москвы 1669 г. Москва, 1881. Текст: непосредственный.
4. Кн. пер. Шелон. пят. I — Новгородские писцовые книги. Т. IV. Переписная оброчная книга Шелонской пятины 1498, 1539, 1552–1553 гг. Санкт-Петербург, 1886 г. Ркп. в РГАДА. Ф. 137, оп. 1, Новгород, № 2а.
5. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1. — Книги приходно-расходные Антониева Сийского монастыря 1575–1643 гг. Ркп. в Санкт-Петербургском Институте истории РАН. Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 1.
6. Коваленко 1970 — Пронштейн А. П., Коваленко Ю. В., Введенская Л. А. История и лингвистика. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1970. 115 с. Текст: непосредственный.
7. Котков 1963 — Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. Фонетика и морфология. Москва, 1963. 235 с. Текст: непосредственный.
8. Котков 1964 — Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка. Москва, 1964. С. 3–13. Текст: непосредственный.
9. Котков 1980 — Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва: Наука, 1980. 293 с. Текст: непосредственный.
10. Кретов 1988 — Кретов А. А. О «Македонском словаре с русскими толкованиями» // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Г. Ф. Ковалева. Вып. 23. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1998. С. 44–52. [Вып. посвящается 200-летию Адама Мицкевича] / Выпуск сборника приурочен к открытию XII Международного съезда славистов (Kraków — 1998). Текст: непосредственный.
11. Кудрявцева 2005 — Кудрявцева И. Г. Эволюция процессов словообразования и морфемообразования в системе субстантивной префиксации (на материале препозитивного компонента *псевдо-*) // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: материалы всероссийской академической школы-семинара / под редакцией С. С. Волкова. Санкт-Петербург, 2005. С. 103–112. Текст: непосредственный.
12. Ларин 2002 — Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 684 с. Текст: непосредственный.

13. Лихачев 1962 — Лихачев Д. С. Текстология. Москва; Ленинград: Наука. Ленингр. отд., 1962. 605 с. Текст: непосредственный.
14. Менандр — Мудрость Менандра по русским спискам. Сообщение Виктора Семенова. Санкт-Петербург, 1892. 42 с. (Памятники древней письменности, № 88). Текст: непосредственный.
15. Нак. Паш. — Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 г. // РИБ. Санкт-Петербург, 1894. Т. 15. 37 с. Текст: непосредственный.
16. ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете с 1804 г.
17. ОРЯС — Отделение русского языка и словесности при Имп. Академии наук с 1841 г.
18. Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / под редакцией С. И. Коткова. Москва: Наука, 1984. 367 с. Текст: непосредственный.
19. РИБ — Русская историческая библиотека.
20. Свед. и зам. — Срезневский И. И. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. Сборник ОРЯС. Кн. 1, 12, 15, 20, 22. Санкт-Петербург, 1867–1881. Текст: непосредственный.
21. Срезневский — Материалы для древнерусского словаря по памятникам письменности И. И. Срезневского. Санкт-Петербург, 1890–1912. Т. 1–3. Текст: непосредственный.
22. Столов. обих. Новоспасск. м. — Столовый обиходник Спаса, что на Новом (Новоспасского) монастыря / Сообщ. архим. Леонид // Чтения ОИДР, 1880. Кн. 3. С. 24–113. Текст: непосредственный.
23. Страхов 2003 — Страхов А. Б. К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет). *Palaeoslavica*, XI. 2003. P. 199–213. Текст: непосредственный.
24. Суб. Мат. — Материалы для истории раскола за первое время его существования / под редакцией Н. Субботина. Москва, 1874–1887. Т. I–VIII. Текст: непосредственный.
25. Флавий I–II — История Иудейской войны / *La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif*. Par V. Istrin. Paris, 1934. Т. 1–2. XI в., по сп. XV–XVI вв. Текст: непосредственный.

Словари

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Русский язык, 1989–1991. Т. I–IV. Текст: непосредственный.
2. Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин и С. А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 677 с. Текст: непосредственный.
3. Лексикон вокабулам новым по алфавиту // Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сборник ОРЯС. Санкт-Петербург, 1910. Т. 88. № 2. С. 3–398. Текст: непосредственный.
4. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. Академии наук. Санкт-Петербург, 1852. 275 с. Текст: непосредственный.
5. Словарь мангазейских памятников XVII — начала XVIII в. / составитель Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971. 581 с. Текст: непосредственный.
6. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века / под редакцией В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 334 с.
7. Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под редакцией О. С. Мжельской. Санкт-Петербург: Наука, 2004–2014. Т. 1–6. Текст: непосредственный.
8. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под редакцией О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. Москва: Наука, 1974–2019. Вып. 1–42. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 19.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

ROLE OF LINGUISTIC INFORMATION CONTENT
IN IDENTIFYING NON-EXISTENT WORDS
IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Lyudmila Yu. Astakhina

Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher,
Department of Linguistic Source Study
and History of the Russian Literary Language,
Vinogradov Institute of the Russian Language RAS
18/2 Volkhonka St., Moscow 119019, Russia
lastakhina@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of reflection and preservation of non-existent words — pseudohapaxes — in the historical dictionary. In this regard, it is revealed the role of linguistic information content of written sources in the identification of pseudohapaxes. We have analyzed the reasons for the appearance of pseudohapaxes in written monuments, and emphasized the key ones, such as clerical errors, ignorance by scientists, publishers, lexicographers of individual writing features of letters, combinations of letters, kerned letters, leading to the appearance, for example, of such pseudohapaxes as ‘*тачаны*’ instead of ‘*таганы*’, ‘*уйтерня*’ instead of ‘*утерня*’, ‘*непорочным делом*’ instead of ‘*ненарочным делом*’ etc. Incorrect reading of cursive letters and other subjective factors are considered as a result of underestimation of the linguistic information content of the text.

We pay special attention to the erroneous use of the term “informativeness” instead of “informational content”, admitted by language historians.

Keywords: pseudohapaxes, linguistic informational content, manuscript, cursive letters, historical dictionary.

Acknowledgments. The research was supported by the RFBR grant “Electronic Historical Dictionary of Borrowed Vocabulary in the Russian Language of the 11th–17th Centuries: Graecisms and Polonisms”, the project No. 17-29-09113 (supervisor M. I. Chernysheva).

For citation

Astakhina L. Yu. Role of Linguistic Information Content in Identifying Non-Existent Words in the History of the Russian Language. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2021; 3: 11–22 (In Russ.).

The article was submitted 19.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 29.10.2021.